

В.С.ФЛЁРОВ

РАЗРУШЕННЫЕ СКЕЛЕТЫ НА МОГИЛЬНИКЕ КЛИН-ЯР III НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Среди тысяч погребений многих раннесредневековых культур Восточной Европы есть большая группа, которая остается не только не изученной, но на большинстве могильников просто не замеченной исследователями. Речь идет о погребениях, в которых присутствуют следы обряда обезвреживания погребенных. Одним из его признаков является нарушение целостности скелета или каких-либо его отделов. Это лишь один признак, но обряд имеет и целую серию других не менее важных.

К числу регионов, где этот обряд остается не изученным, относится и Северный Кавказ. В связи с этим большой интерес представляет могильник Клин-Яр III, расположенный на Кавказских Минеральных Водах, на северо-западной окраине г.Кисловодска. Могильник исследовался в 1983-1986 гг., но опубликованная о нем информация пока невелика (1; 2; 3; 4; 5). Среди нескольких десятков погребений I - начала VIII в.н.э. здесь выделена большая серия со следами обряда обезвреживания.

Учитывая небольшой объем настоящего сообщения, рассмотрим только одну катакомбу с данным обрядом, но достаточно детально. Речь идет об одной из самых поздних на могильнике катакомбе № 29/1985 г.

Катакомба состоит из дромоса и овальной камеры. Дромос в соответствии с наклоном поверхности могильника ориентирован по линии СЮ, является самым длинным среди средневековых — 4,60 м (рис.1). Глубина его перед входом в камеру 2,55 м, а перед ступенчатой торцовой стенкой 2,30 м от современной поверхности. Очертания дромоса прослежены с уровня 0,70 м. Дно почти горизонтальное. В наклонной торцовой стенке три короткие ступени, расположенные на высоте 30, 80 и 130 см от дна.

Заполнение дромоса состояло из слоев перемешанного грунта, имевших общий наклон в направлении к камере. Верхние слои более перемешанные и рыхлые. В заполнении многочисленные мелкие обломки известняка (2-10 см), несколько десятков мелких фрагментов кобанской керамики (могильник расположен на месте поселения кобанской культуры), брошенных в заполнение явно преднамеренно, отдельные древесные угли. Примечательно, однако, что керамика и угли находились преимущественно в нижних слоях заполнения, перед закладной плитой и около нее. В заполнении же находились захоронения собаки и лошади, а также два преднамеренно разбитых сосуда.

Захоронение собаки (рис.1,Б) находилось у торца дромоса на уровне второй ступени. Скелет животного полностью разрушен, кости перемешаны, но набор их был почти полным, включая череп с отделенной нижней челюстью.

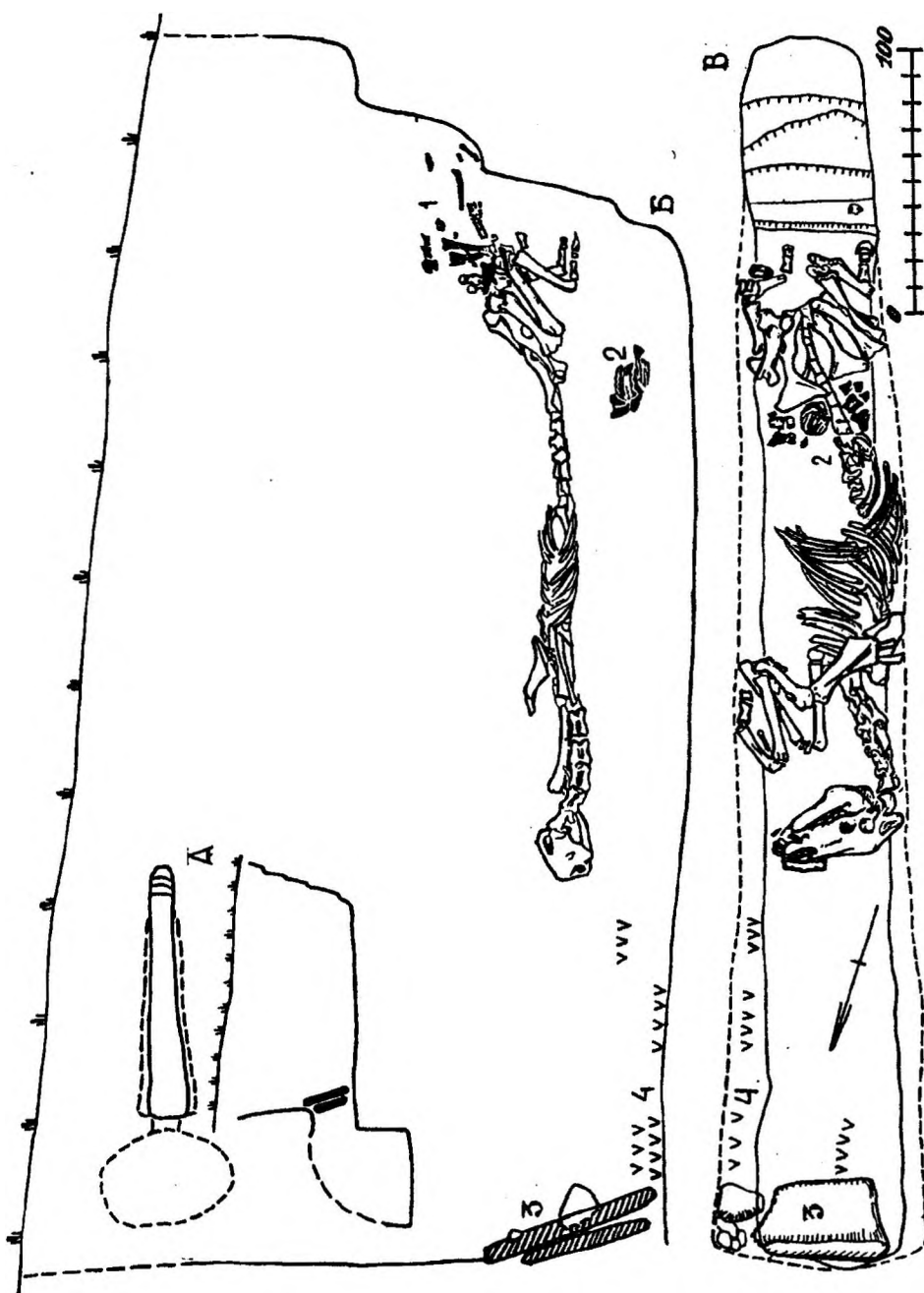

Рис. 1. Могильник Клинь-Яр III. Катакомба № 29.

А - план и продольный разрез катакомбы, Б - продольный разрез дромоса, В - план дромоса, кости собаки не изображены. 1 - кости собаки, 2 - фрагменты горшка, 3 - закладные плиты, 4 - угли.

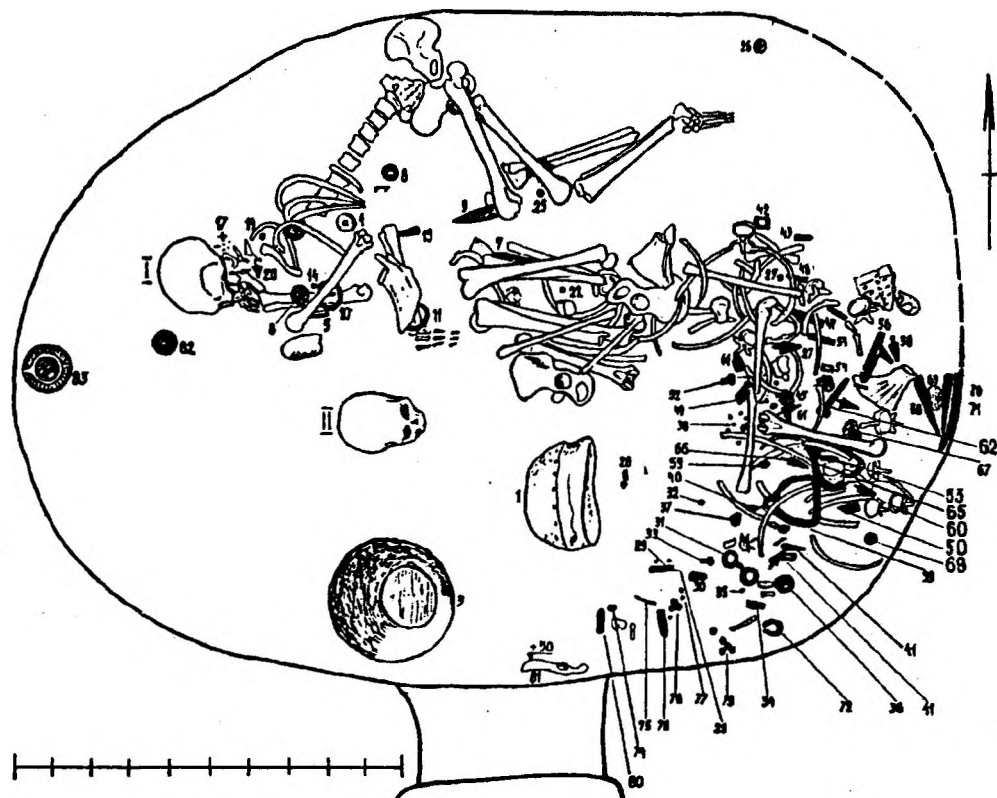

Рис. 2. Катакомба № 29. План погребальной камеры.

Вещи женщины (погребение 1): 4 - бусина, янтарь; 5 - реликварий; 6, 16 - бляхи, медь, позолота; 8 - брошь; 9, 15 - ножи; 10, 11 - браслеты; 14 - бусы, сердолик; 17 - бусы гешировые и бисер; 20 - серьги, золото, медь; 25 - бляшка, медь.

Вещи мужчины (погребение 2) и снаряжение коня: 1 - котел; 3 - кувшин; 7, 68, 70 - ножи; 22, 34, 38, 77 - заклепки; 27, 40, 55, 58, 60-61, 66 - наконечники стрел; 28, 35, 72, 74 - бляшки, медь; 29, 43, 46, 57, 75, 78, 80 - наконечники ремней, серебро; 30, 32, 36, 42 - пряжки железные; 31, 47 - фрагменты удила; 33 - пряжка, бронза; 37 - кольца, железо; 39, 65 - стремена; 41 - пластинка медная, наконечник стрелы, накладка с прорезью серебряная, фрагмент удила; 44-45 - фрагменты кольчуги; 48 - стержень, железо; 49-50 - накладки, серебро; 53 - наконечник ремня, серебро; пряжка, железо; 54 - пластинка с прорезью, серебро; 56, 64, 71, 73 - накладки лука; 59 - бляшка-тройник, серебро; 63 - фрагменты дерева; 66, 69, 75, 76, 79 - бляшки, серебро; 81 - лопатка барана; 82 - зеркало; 83 - кружка.

Непосредственно под костями собаки — потревоженный скелет лошади. Она захоронена на уровне 35-50 см выше дна дромоса, задними ногами к торцу дромоса, головой ко входу в камеру; уложена на животе, причем задние ноги были подогнуты под живот. Передняя часть туши развернута на левый бок и привалена спиной к левой стенке дромоса, а передние ноги уперлись в правую стенку. Соответственно, и морда обращена к правой стенке. Под задними ногами лежали обломки сероглиняного горшка, формой тулова, орнаментацией и насечками на венчике напоминающий салтово-маяцкие (рис.3,1). От последних его отличает

лишь профиль горизонтально отогнутого венчика. Высота горшка 24,4 см, диаметр тулова 22,0 см. Под животом лошади разбитый сероглиняный кувшин, форма которого полностью не восстановлена (рис.3,2). Кроме того, в различных местах около скелета найдены пять медных в серебряной фольге круглых бляшек диаметром 17-18 мм (рис. 4,14) и две медные (рис.4,19-20). Все прочие предметы упряжи находились в камере.

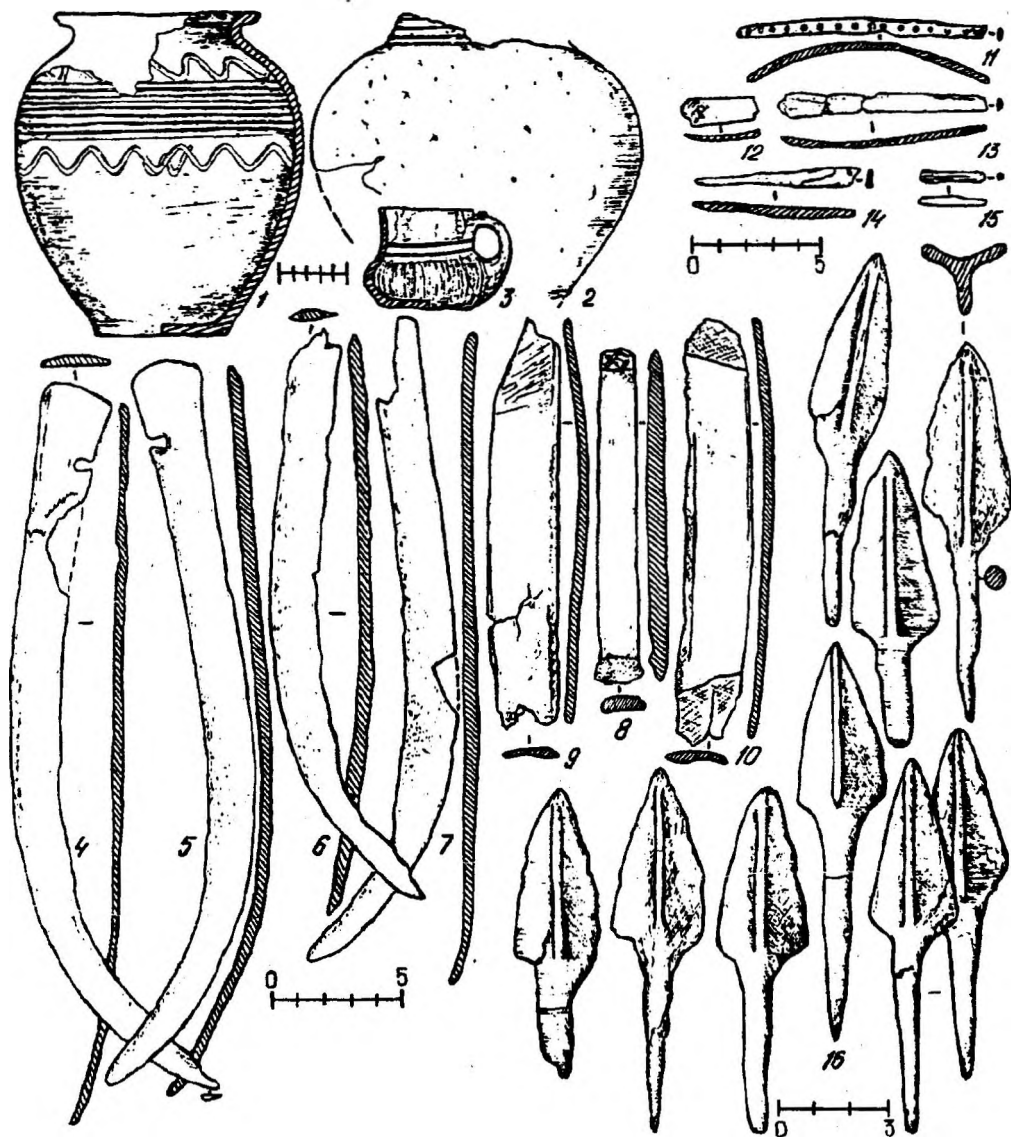

Рис. 3. Керамика (1-3) и вещи мужского погребения (4-16).

Вход в камеру был закрыт двумя, стоявшими одна за другой плитами. Это грубые, необработанные сколы известняка. Очертания самого лаза арочные, высота 60 см, ширина 50 см, длина 30 см. Форма камеры типична для средневековых катакомб могильника — овальная с купольным сводом. Ее размеры: длина 2,40 м, ширина 1,70 м, высота около 1,50 м. Примечательная особенность — пол камеры опущен ниже дна дромоса на 0,90 м.

В камере погребены мужчина 45-60 лет и женщина 55-65 лет (определения Т.С.Кондукторовой) (рис.2).

Женщина лежала у задней стенки камеры, на правом боку головой влево по отношению входа, т.е. спиной к задней стенке камеры, ноги подогнуты. Данные поза и ориентация характерна для женских погребений могильника и, кстати, для большинства могильников салтово-маяцкой культуры бассейна р.Дона. В целом скелет сохранял анатомическую схему, но имел ряд явных нарушений. Из длинных костей рук на месте остались лишь локтевая и лучевая правой руки, кисть которой была обращена к подбородку. Одна плечевая кость сдвинута, как и лучевая и локтевая левой руки. Вторая плечевая — среди костей мужчины. Нарушена грудная клетка, отсутствует несколько ребер, также смешанных с костями мужчины. Одна лопатка оказалась перед грудью над костями предплечья левой руки. Полностью отсутствуют кости стопы правой ноги. Отмеченные нарушения становятся особенно заметными, если учитывать хорошую сохранность самих костей и положение *in situ* большинства костей скелета и черепа с неотделенной нижней челюстью.

Относительно незначительным нарушениям скелета соответствует и оставление на первоначальных местах всех оказавшихся при погребенной вещи. Местоположение одних определялось их функциональным назначением, других — требованиями погребального обряда. К первым, например, следует отнести серьги, лежавшие около черепа; два браслета, оставшиеся на костях предплечий каждой руки, причем браслет правой руки был у запястья, а левой подтянут к локтю (не так уж важно для нашей темы, но хочу отметить, что положение второго браслета позволяет судить о комплекции погребенной — ее руки были очень тонкими); две позолоченные декоративные бляхи лежали симметрично в области груди — вероятно были нашиты на верхнее одеяние. Ко второй группе вещей относится зеркало, положенное у лба, нож у пояса и второй около колен.

Мужчина был погребен в центре камеры перед входом. В отличие от женского, его скелет разрушен полностью, но судя по другим средневековым катакомбам могильника, он должен был быть уложен вытянуто на спине. Мужской череп без нижней челюсти стоял перед скелетом женщины, явно не на своем первоначальном месте. Почти все крупные кости скелета — длинные кости рук и ног, тазовые, лопатка, а также часть ребер и позвонков компактной грудой достаточно аккуратно сложены перед коленями женского скелета. Что же касается остальных костей, а именно большинства ребер, позвонков, грудины, костей кистей и стоп, то они образуют менее компактную грудую около правой стенки камеры. Над ними четыре длинные кости рук, одна лопатка и крестец. Такая планиграфия и стратиграфия костей мужчины позволяет восстановить очередность разрушения его скелета. Первоначально к правой стенке были отброшены мелкие кости, а затем были

сняты со своих мест крупные, образовавшие особую груду, но при этом часть крупных костей оказалась и над грудой мелких. Вероятно, в последнюю очередь был передвинут череп. Итак, скелет мужчины оказался фактически разделенным на три части: череп, крупные кости и мелкие. К сожалению, мы не пересчитывали кости, чтобы установить, все ли они остались в камере или какая-то часть была из нее удалена. В данном случае, однако, важнее другое — в наличии оказались все крупные кости и череп, причем большинство длинных костей было уложено в том же направлении, в каком первоначально лежал скелет, т.е. вдоль оси камеры. Впрочем, последнее могло быть и случайностью, но пока в достаточной мере не изучена механика разрушения скелетов в целом, не следует оставлять без внимания ни одно наблюдение. Впоследствии же будет произведен отбор действительно значимых, наиболее типичных признаков, характеризующих процесс разрушения скелетов.

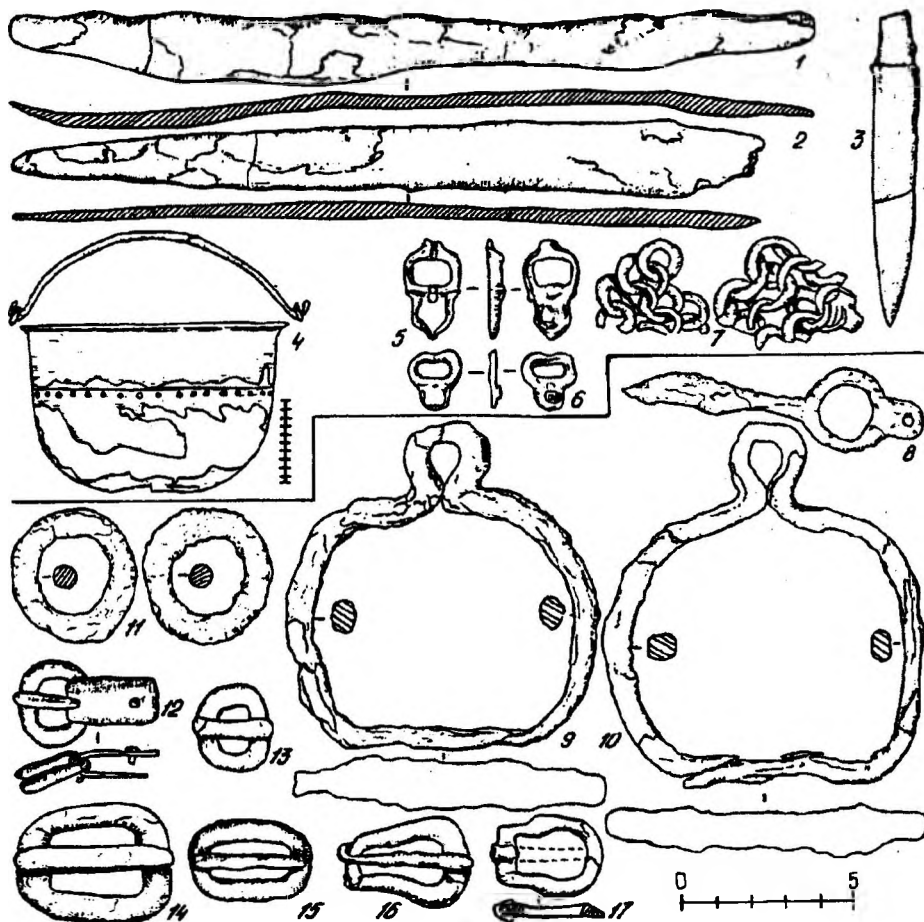

Рис. 4. Вещи мужского погребения (1-7) и снаряжение коня (8-17).

Аналогично костям поступили и с вещами сопровождавшими мужчину. Они подразделяются, в основном, на две группы. Первая — оружие: лук, стрелы, колчан. Вторая — снаряжение коня: ремни с бляхами, удила, стремяна, пряжки. Состав вещей показывает, что захороненный являлся воином-всадником, но примечательно, что полного поясного набора при нем не оказалось, вероятно, поясу с бляшками в древности не всегда придавалось то значение, которое археологи ему приписывают.

Ни одна из вещей, принадлежавших мужчине, не осталась на месте. Все без исключения были отброшены в груды мелких костей к правой стенке камеры, а часть к передней стенке правее входа. Отбрасывались они без всякой системы, а судя по положению накладок лука, он был не только перемещен, но и предварительно разломан. И всё же одно требование соблюдалось — вещей не оказалось в груды крупных костей, если не считать небольшого ножа и заклепки, которые оказались здесь, видимо, случайно.

Наверняка мужчине принадлежал и походный котел, склепанный из медных листов. Лежал он на боку перед входом. В камере было и два керамических сосуда. На месте, около левой стенки камеры осталась стоять небольшая кружечка (рис. 3,3), а вот кувшин, обнаруженный перед входом, явно не на первоначальном месте, был расколот и перевернут вверх дном. Наконец, на полу у самого входа лежала тазовая кость животного, вероятно барана.

Сделаю краткий обзор вещей из погребальной камеры, не претендуя на всесторонний их анализ.

Керамика представлена двумя упоминавшимися сосудами: кувшин и кружка. Кувшин (в коллекции не сохранился) сероглиняный с тремя сосцевидными налепами на тулове. В основании горла и вокруг налепов арочный врезной орнамент, сверху на ручке выступ, на дне отпечаток доски. Диаметр тулова 32 см. Кружка чернолощенная, асимметричная, сверху на ручке "кнопка", пролощенный орнамент выполнен небрежно. Высота кружки 6,8 см, диаметр тулова 9,2 см.

Вещи мужского погребения. Лук, как указывалось, был преднамеренно разломан, его роговые накладки лежали в беспорядке. Две пары концевых, из которых полностью сохранилась только одна пара, имели вырезы для тетивы. Длина их по хорде 26,5 см (рис. 3,4-7). Комплект срединных накладок представлен двумя боковыми длиной не менее 16-17 см и одной фронтальной длиной около 13 см (рис. 3,8-10). Данный лук специально изучала В.Е.Нахапетян, которая ближайшей аналогией ему определила лук из известного Авиловского погребения (6; 7, с.72, рис.44), а датировала клин-ярский лук концом VII - VIII вв.¹

Колчану, вероятно, принадлежала дуговидная накладка с циркульным орнаментом. Ее длина по хорде 9,5 см (рис. 3,11). Назначение и принадлежность обломков других роговых пластинок определить трудно (рис. 3,12-15). Присутствие в погребении колчана косвенно подтверждается комплектом из не менее одиннадцати однотипных трехлопастных наконечников стрел длиной до 7,5 см (рис. 3,16).

Два длинных однотипных ножа, один заметно погнутый, второй сохранился

¹ В публикации В.Е.Нахапетян опечатка — длина концевых накладок указана ошибочно, как 22 см.

лучше. Длина их клинков 20 см (рис. 4,1-2). Это, видимо, были боевые или охотничьи ножи. Третий, явно бытовой, был значительно меньше — длина его клинка 7,8 см (рис. 4,3).

Котел, склепанный из листовой меди (бронзы?), высота около 20 см, диаметр венчика 32 см. Железная дужка была оторвана вместе с железными ушками и лежала отдельно в грудке мелких костей. Котел подвергся преднамеренной поломке: пробита нижняя часть корпуса, а сам он сильно деформирован (на рис. 4,4 корпус реконструирован). Клепанные котлы имели широкое распространение в Центральном Предкавказье и в частности на Кавминводах, но их типология и хронология не разработана. По мнению И.М.Чеченова (8, с.49, даны аналогии) они получают распространение с IV-V вв., как показывает пример с описанным котлом, бытуют до начала VIII в.

Пряжка бронзовая односоставная с геральдическим щитком и железным (не сохранился) язычком. Характерный ее признак — вытянутое ложе для язычка (рис. 4,5). Такие пряжки появляются не ранее VI в. и бытуют до IX в., если судить по своду В.Б.Ковалевской (9). Данный вид пряжек с мелкими индивидуальными особенностями имел широкое распространение. Территориально ближайшие аналогии происходят из могильника Мокрая Балка под Кисловодском, где датируются второй четвертью VII - рубежом VII-VIII вв. (10, с.144, рис.2,8-9). У них также железные язычки. Из отдаленных можно указать на пряжку из Венгрии (11, с.116, рис.6,15). Клинья-ряская пряжка невелика: общая длина 2,9 см, ширина прорези 1,2 см. Принадлежность ее к поясному набору не обязательна, тем более, что в катакомбе не оказалось поясных бляшек.

Вторая бронзовая пряжка имела В-образную рамку, которая и определяет ее дату в пределах VI-VII вв., была еще меньше — длина 1,7 см, ширина прорези 1,2 см. Не исключено, что она была обувной (рис. 4,6). Пряжка второй половины VI - первой половины VII вв. с аналогичной рамкой, но иным щитком есть в Мокрой Балке (10, с.144, рис.2,17).

Два обрывка кольчужного плетения из железных колечек диаметром в пределах 1,5 см (рис. 4,7). Такие вещи встречаются во многих могильниках Северного Кавказа и Дагестана. В частности, они представлены в ряде подкурганых погребений могильника Чир-Юрт конца VII - первой половины VIII вв. в Дагестане. М.Г.Магомедов относит их к "остаткам кольчуги" (12, с.48). Действительно, это могли быть фрагменты кольчуг (но не "остатки"), но они, по моему убеждению, принимали иные функции — служили амулетами. Именно так колечки кольчуг использовали в Предкавказье ногайцы (13, с.65). Что касается целых кольчуг, то такие находки не известны ни в могильниках Кисловодска, ни в Чир-Юртовском. Надо полагать, кольчуга была чрезмерно дорогим предметом, чтобы помещать ее в погребение, а не передавать по наследству.

Предметы упряжи коня — прежде всего это удила и стремена. В камере находились и остатки какого-то большого деревянного предмета. Не исключено, что это остатки седла, однако это только предположение.

От удила сохранилась только половина (рис. 4,8). Данный тип хорошо известен в восточноевропейских памятниках. Аналогичные удила в районе Кисловодска зафиксированы в западном Кугульском склепе № 3 и в катакомбе № 119

Мокрой Балки (раскопки А.П.Рунича) и отнесены А.К.Амброзом к VII в. (14, с.109,126, рис.23,46; 40,33). Такой же тип удил представлен в известных Вознесенке и Глосах (15, с.107, рис.4а,19,25).

Два стремена, так называемые восьмеркообразные с неширокой (2,0-2,5 см) подножкой. Они безусловно составляют пару, но несколько разнятся в очертаниях и размерах (рис. 4,9-10). Так, высота первого 13,5 см, второго — 15,0 см, но при этом такой основной показатель, как внутренняя ширина, у них почти одинаков — 11,2 и 10,8 см. В Кисловодске аналогичные стремена второй половины VII - первой половины VIII вв. происходят из могильника Директорская горка (16, с.139, рис.3,40). Самым концом VII - началом VIII вв. подобный тип стремян по материалам Сибири датирует В.А.Могильников (17, с.123, рис.19,72). К этому же времени автор относит и стремена из катакомбы № 29².

Железные кольца также составляют пару, диаметр их 4 см (рис. 4,11). Вероятно, они относятся к уздечке.

Железные пряжки представлены сразу шестью экземплярами. Столь большие наборы железных пряжек редкость в раннесредневековых могильниках Кисловодской котловины и окрестностей. Благодаря разнотипности пряжек набор послужит в дальнейшем для синхронизации типов железных пряжек на памятниках Северного Кавказа.

1. Пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком, согнутым из длинной пластинки (рис. 4,12). Пряжка явно сделана в подражание бронзовым с подвижным щитком.

2. Овальнорамчатая с прямым язычком, размеры 2,5 x 2,3 см (рис. 4,13). Близка, особенно по внутреннему контуру, пряжке второй половины VI - первой половины VIII вв. из Мокрой Балки (10, с.148, рис.4,16).

3. Трапецевидная с закругленными углами, язычок прямой (рис. 4,14). Это самый крупный экземпляр — 4,7 x 3,6 см. Форма пряжки достаточно распространенная. В Мокрой Балке близкие аналогии относятся ко второй четверти VII - рубежу VII-VIII вв. (10, с.149, рис.5.2 3).

4. Удлиненная овальнорамчатая, 3,6 x 2,5 см, с прямым язычком (рис. 4,15). В Мокрой Балке аналогичная датируется в диапазоне второй половины VI - первой половины VIII вв. (10, с.148, рис.4,9).

5. Пряжка, тип которой не совсем удачно называют лирорамчатой (рис. 4,16). Ее размеры 4,0 x 2,7 см. Одна сторона рамки заметно прогнута. Аналог из Мокрой Балки относится ко второй четверти VII - рубежу VII-VIII вв. (10, с.148, рис.4,14).

6. Пряжка, которая, как и первая, является подражанием бронзовым. Ее размеры 3,3 x 2,5 см (рис. 4,17). По внутреннему силуэту близка некоторым бронзовым пряжкам второй четверти VII - рубежа VII-VIII вв. Мокрой Балки (10, с.144, рис.2,4-7), но среди железных пряжек этого могильника их нет.

Итак, судя по материалам могильника Мокрая Балка, железные пряжки катакомбы № 29 могильника Клин-Яр III имели широкий диапазон бытования, но более тяготеют к концу VII - первой половине VIII вв. Все они отнесены мною к

² Благодаря В.А.Могильникову за консультацию.

конскому снаряжению, но я не исключаю, что какие-то могли использоваться в других целях. В частности, первая и шестая, сделанные в подражание бронзовым, могли быть поясными или относились к колчану. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что ширина проема у пяти пряжек из шести, исключая самую крупную, почти одинакова — 12-15 мм, то есть все они предназначались для ремней одной ширины.

К конской упряжи относится и серия наконечников ремней, декоративных бляшек и вспомогательных креплений.

В набор серебряных наконечников входят три больших и четыре худшей сохранности малых. Их размеры соответственно 8,9-9,5 x 1,7-1,9 см и 6,2 x 1,1 см (рис. 5,1-7). Все они однотипны по форме и конструкции: сделаны в форме плоских коробочек с выступающими краями внешних и тыльных пластин и украшены припаянными ободками, которые у малых наконечников украшены тисненым елочным орнаментом. Для всех характерно расширение закругленных концов.

Данный тип наконечников имел широкое распространение как на Кавминводах, так и далеко от них. Они представлены во многих погребениях могильника Мокрая Балка, где бытуют на всем протяжении VII в. Г.Е.Афанасьев относит их к 2-4 четвертям VII в. (18, с.44, рис.1,15,117). А.П.Рунич такие наконечники нашел в Мокрой Балке с индикациями монет Фоки (602-610) (19, с.139, рис.4,47) и монетами периода 589-628 гг. (20, с.251, рис.3,4). Наконечник из Суаргома в Верхнем Чми А.К.Амброз отнес к древностям VII в. (14, с.108, рис.22,61). К периоду VII-VIII вв. относится аналогичный наконечник из крымского могильника Скалистое (21, с.232, рис.53,7).

Во внутреннюю полость больших наконечников мог вставляться ремень шириной до 15 мм. Таким образом становится ясно, что пряжки железные и данные наконечники входили в один комплект.

С изделиями из кожи связаны также 35 бронзовых квадратных заклепок (рис. 5,8) и трех типов серебряные пластинки (рис. 5,9-13), из которых обращу внимание на пластинки с внутренними прорезями (рис. 5,9-10), ширина которых составляет 16 мм. Они вполне подходили для продевания сквозь них ремней шириной до 15 мм.

Из декоративных деталей уздечки в дромосе, а большей частью в камере, обнаружены большие и малые круглые серебряные бляшки и одна типа тройника (рис. 5,14-20).

Местоположение вещей при женском скелете уже указано — все они оставались на местах, соответствующих их назначению.

Серьги с перевернутыми пирамидами зерни и полыми шариками в основании и пирамидками из шариков по углам верхней треугольной площадки (рис. 5,23). Этот вид серег в самых разных вариантах исполнения имел в Восточной Европе повсеместное распространение. Особенность же клин-ярских состоит в том, что колечки для подвески у них оказались не золотыми, как вся серьга, а медными. Надо полагать, женщина принадлежала не к самой богатой прослойке клин-ярской общины.

А.К.Амброз появление таких серег связывает с Византией и датирует их концом VII - началом VIII вв. (15, с.18). Такую же дату, но уже для Северного

Кавказа указывает и В.Б.Ковалевская (22, с.179, рис.62,99). Пирамидальная серьга 2-4 четвертей VII в. есть в Мокрой Балке (18, с.44, рис.1,20). Из более отдаленных памятников укажу на серьги из Келегейского погребения конца VII - начала VIII вв (23, с.31, рис.3,8) и Югославии (24, с.153-154). Последняя датирована более широко - вторая половина VI - VII вв, что, впрочем, к хронологии Северного Кавказа отношения уже не имеет.

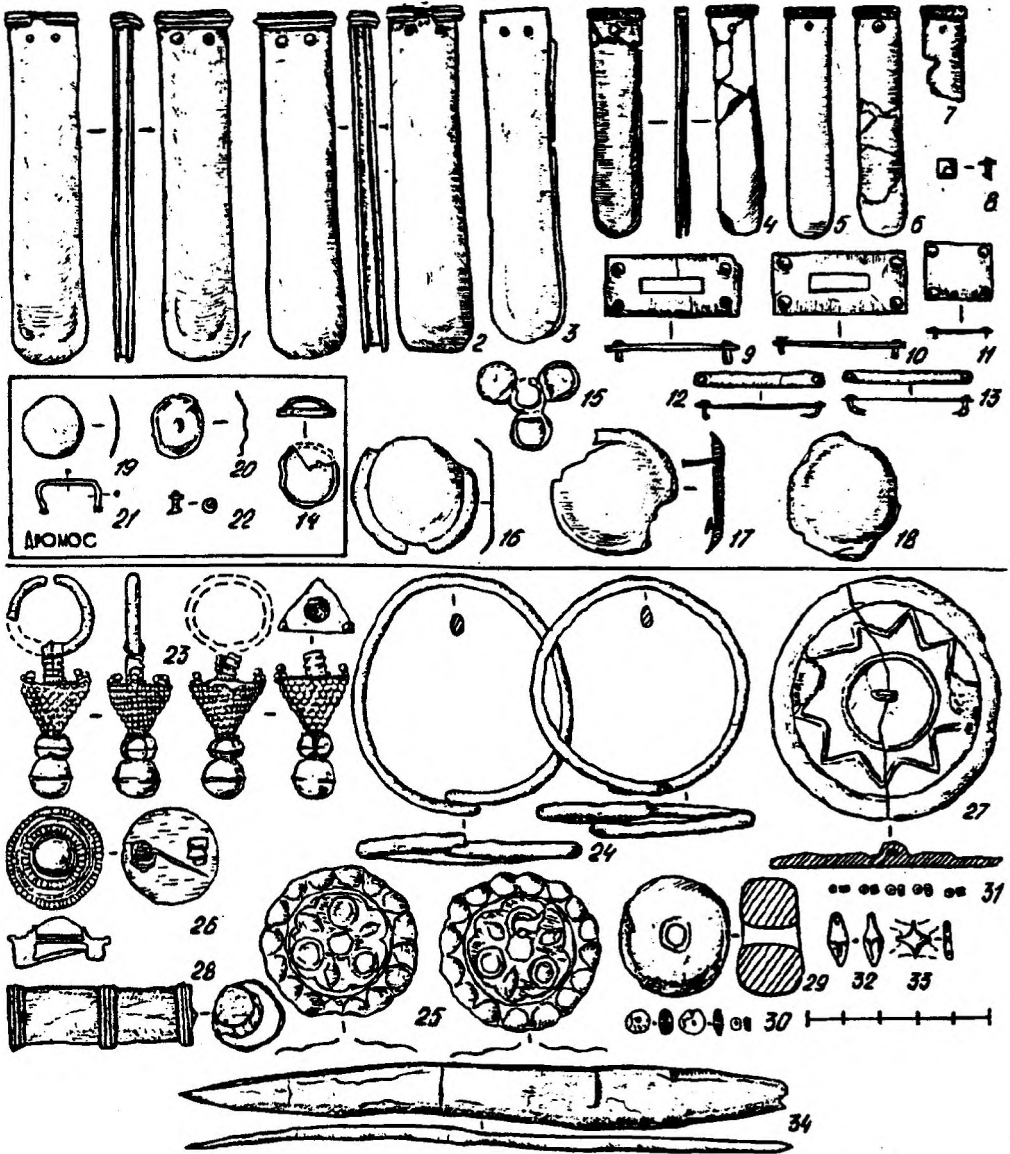

Рис. 5. Снаряжение коня (1-18) и вещи женского погребения (23-34).

Не противоречат этой дате два бронзовых браслета с заходящими концами и зеркало диаметром 6,2 см с десятилучевой звездой (рис. 5,24,27).

К нагрудным украшениям относится брошь со стеклянной вставкой и две медные позолоченные бляхи со стилизованным растительным трехчастным орнаментом (рис. 5,25,26). Эти украшения имеют близкие аналогии на могильнике Мокрая Балка.

Характерным для Северного Кавказа является реликварий в форме трубочки, свернутой из тонкой серебряной пластинки. В центре и по краям окантовка, а один конец закрыт впаиванной пластинкой (рис. 5,28). Длина реликвария 5 см, диаметр 1,5 см. Внутри остатки дерева (?). Предмет находился около шеи, где, надо полагать, и был подвешен.

В районе шеи был рассеян и небольшой набор бус: колесовидная янтарная диаметром 3,1 см (рис. 5,29), три сердоликовые (рис. 5,30), пять бисерин глухого стекла (рис. 5,31), гешировые подвески и крестовидный разделитель (рис. 5,32-33). Последние имеют прямые аналогии на могильнике Мокрая Балка.

Все перечисленные вещи являются типично женскими по назначению, но кроме них у колен лежала такая "нейтральная" вещь, как железный нож с выгнутой спинкой, длина клинка 13 см (рис. 5,34).

В целом по описанному комплексу вещей катакомба № 29 может быть датирована достаточно коротким отрезком времени — конец VII - начало VIII вв. Катакомба относится к самому финалу использования могильника.

Обратимся к погребальному обряду катакомбы, расшифровка которого является основной задачей данной статьи.

Традиционно, в течение десятилетий, а часто и в настоящее время, ранне-средневековые погребения с нарушенными скелетами и перемещенными вещами трактуются как подвергшиеся осквернению или ограблению. Безусловно, какая-то часть погребений с такими признаками была ограблена, причем, как правило, в новое время. Это прежде всего относится к подкурганам захоронениям, а также разного типа скальным. Однако в случае с могильником Клин-Яр III мы имеем дело с ярко выраженным обрядом преднамеренного нарушения целостности останков погребенных с целью их обезвреживания.

Наиболее детально этот обряд исследован к настоящему времени только на Маяцком могильнике салтово-маяцкой культуры, но он представлен и на многих других памятниках Юго-Восточной Европы (25, там же библиография). И так, что же обращает на себя внимание в связи с этим обрядом в катакомбе № 29.

1. Над камерой катакомбы отсутствовала грабительская воронка. Свод камеры не был нарушен и в ходе раскопок был пробит при больших усилиях.

2. Камера была закрыта, причем даже не одной, а двумя плитами, дополнительно заклиненными по краям мелкими камнями, а все пазы тщательно замазаны.

3. Состояние скелетов. Мужской скелет полностью разрушен и все без исключения кости полностью перемещены с разделением на две груды. Перемещен и череп, но установлен в естественном положении. В противоположность этому, женский скелет практически цел. Некоторому нарушению подверглась только грудная клетка и руки. Должен сразу сказать, что объяснить, чем руководствовались, полностью разрушая один скелет и почти не затрагивая другой, трудно. На

могильнике встречены и другие варианты, когда лежавший перед входом мужской скелет оставался нетронутым, а находившийся у задней (!) стенки женский скелет разрушался полностью, при этом его кости тщательно складывались в компактную грудку (катакомба № 54), то есть ситуация прямо противоположная отмеченной в катакомбе № 29. Объяснений может быть много. Возможно, руководствовались состоянием костей, например их цветом на момент вскрытия камеры, и тем самым определяли посмертную судьбу умершего и степень его опасности для оставшихся в "среднем мире" родственников. Не исключено, что разрушение зависело от личных качеств погребенного, которые отличали его при жизни. Судьба скелета могла решаться в ходе "общения" шамана с умершим и узнаванием его судьбы в загробном мире. Вообще надо признать, что духовный мир язычника раннего средневековья остается для нас почти неизвестным, особенно на уровне повседневной бытовой практики. Эта проблематика требует углубленного исследования.

4. Вещи. Именно насыщенность катакомбы вещами лишает основного аргумента сторонников "теории ограбления". Все отброшенные с первоначальных мест вещи мужчины были пригодны для использования, но тем не менее оставлены в камере, в том числе серебряные наконечники ремней. У женщины остались нетронутыми даже более чем заметные крупные золотые серьги и позолоченные украшения на груди. Вещи женщины не только не изъяты, но и оставлены на своих местах.

По хаотическому расположению вещей мужского набора видно, что многие из них были преднамеренно повреждены: разбит и перевернут кувшин, поврежден медный котел, разломаны лук и колчан, разорвана упряжь коня. Мотивация таких действий в целом ясна: разрушен скелет владельца — повреждены и его вещи. Соответственная зависимость между состоянием скелета женщины и оставшимися неповрежденными ее вещами.

5. Возможность разрушить мужской скелет и переместить даже самые мелкие кости и все вещи предполагает, что камера после совершения захоронения грунтом не заполнялась. Это дает основу для реконструкции этапов погребального обряда.

Первый этап — это собственно похороны, когда погребаемые укладывались в соответствующих их полу позах и в камеру вносились сопровождающие их вещи — керамика, котел и прочие. Камера грунтом не заполнялась и в таком состоянии закрывалась плитами, которые предотвращали сползание в нее грунта из дромоса. Затем на слегка присыпанное дно дромоса бросали два сосуда, которые тут же и разбивали. Над ними помещалась туша лошади, а над ней тушка собаки. В завершение дромос полностью закапывался и над ним устанавливались какие-то указатели. Возможно это был просто могильный холм, соответствовавший ему размерами и очертаниями. Во всяком случае дромос вскрывался впоследствии без малейших нарушений его стенок.

Второй этап. По прошествии времени необходимого для истлевания мягких тканей погребенных, вероятно 3-5 лет, происходило сопровождавшееся, надо полагать, целой вереницей обрядов, вскрытие катакомбы. Первоначально вскрывался дромос. Полностью до дна он раскапывался только у передней стенки для освобождения входа в камеру. У противоположного конца он вскрывался лишь наполо-

вину, при этом случайно или преднамеренно был разрушен скелет собаки. Что касается лошади, то она не вскрывалась вообще.

Затем следовало вскрытие камеры. После разрушения мужского скелета и перемещения его костей и бывших при нем вещей, частичного нарушения скелета женщины камера полностью до потолка заполнялась грунтом, а плиты устанавливались на место, на этот раз окончательно. Вновь засыпался и дромос, при этом в заполнение бросали угли и фрагменты керамики. Вновь на поверхности обозначались границы дромоса. Последнее не вызывает сомнений, так как хронологически близкие катакомбы могильника никогда не пересекаются. Чрезвычайно редко пересекались и одновременные погребения. Надо полагать надмогильные сооружения поддерживались длительное время — почти нет случаев пересечения погребений позднесарматского времени и раннего средневековья.

Для того, чтобы покончить с темой возможного ограбления, отмечу, что грабители ни в древности, а тем более в новое время, не стали бы избирательно относиться к разрушению скелетов, оставлять в камере ценные вещи, засыпать катакомбу несколькими кубометрами грунта, тщательно устанавливать на место закладные плиты, восстанавливать надмогильные знаки.

Поразительно близкие аналогии катакомбе № 29 могильника Клинь-Яр III дают катакомбы №№ 3 и 30 Маяцкого могильника эпохи Хазарского каганата. Катакомбы находились в непосредственной близости друг от друга и, вероятно, принадлежали родственникам.

Маяцкая катакомба № 3 содержала погребение мужчины и женщины, скелеты обоих разрушены полностью. Среди вещей две золотые серьги, одна бронзовая серьга, бусы, мужской поясной набор. В катакомбе была и лошадь. Скелет ее полностью разрушен, а кости оказались частью в камере, частью в дромосе. От упряжи сохранились серебряные круглые бляхи, удила, железная пряжка (26, с.163,165,170, рис.11; 14).

В катакомбе № 30 Маяцкого могильника было не парное, а одиночное погребение воина-всадника, но по инвентарю и обряду эта катакомба еще более близка клинь-ярской. Скелет мужчины был полностью разрушен. Среди вещей поясной набор и накладки лука. В камере находился череп собаки, а в дромосе скелет лошади, при котором были удила, большой набор декоративных блях, стремяна, железные пряжки, седло с железной накладкой передней луки (26, с.158,160-161,175, рис. 9; 15-16).

Итак, во всех трех катакомбах оказались захоронения воинов-всадников, погребенных вместе с принадлежавшими им лошадьми, собаками, луками, наборами упряжи. В двух катакомбах воина сопровождает женщина. Обращает внимание и тот факт, что самыми представительными украшениями женщин в клинь-ярской катакомбе № 29 и в маяцкой № 3 были золотые серьги, причем обе пары после разрушения скелетов оставлены в камере.

И наконец, еще один факт, заслуживающий внимания. Как катакомба № 29 была одной из наиболее представительных на Клинь-Ярском могильнике, так и катакомбы №№ 3 и 30 являлись самыми представительными на Маяцком могильнике. Нет сомнений в том, что погребенные в них принадлежали к одной социальной группе, явно выделявшейся среди прочего населения, но в то же время и не самой

богатой.

В заключение укажу на то, что на кисловодском могильнике Клин-Яр III из 25-ти раскопанных нами катакомб V - начала VIII вв. обряд обезвреживания погребенных представлен в 16-ти. Проявляется он в самых разных формах: от удаления костей стоп до полного разрушения скелетов. Таким образом, картина представленная в катакомбе № 29 является довольно типичной и далеко не единственной³.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Флёров В.С. Кобанские и аланские памятники под Кисловодском // АО 1983 года. М., 1985.
2. Флёров В.С. Работа в урочище Клин-Яр близ Кисловодска // АО 1985 года. М., 1987.
3. Флёров В.С. Клин-Ярская экспедиция в 1983-1985 гг. (памятники VIII-VII вв. до н.э. и II-VIII вв. н.э. в Кисловодске) // КСИА. 1989. Вып. 196.
4. Флёров В.С. О северокавказских котлах с внутренними ушками // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
5. Флёров В.С., Нахапетян В.Е. Работы в Клин-Яре // АО 1986 года. М., 1988.
6. Нахапетян В.Е. Лук из могильника Клин-Яр III в Кисловодске // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.
7. Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Археологический сборник. Вып. I. Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1956.
8. Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987.
9. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. М., 1979. Вып. Е1-2.
10. Афанасьев Г.Е. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
11. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.
12. Магомедов М.Г. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника // МАД. Махачкала, 1977. Т. 7.
13. Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.) Л., 1982.
14. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М., 1989.
15. Амброз А.К. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V-VIII вв. // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
16. Абрамова М.П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. 1982. № 2.
17. Могильников В.А. Тюрки // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

³ К сожалению, раскопки катакомбы № 29 шли при постоянных дождях, которые привели к подъему грунтовых вод, затопивших камеру. Расчистка и черчение велось урывками по мере откачивания воды. Такая ситуация не позволяла зафиксировать стратиграфию дромоса и камеры; не все отмеченное в дневниковых записях оказалось на чертежах.

Тяжелая и многодневная работа по исследованию катакомбы проведена сотрудницей Института археологии В.Е. Нахапетян и постоянным участником Клин-Ярской экспедиции Ю.И. Енченко-Саидом.

18. Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. 1979. Вып.158.
19. Рунич А.П. Аланский могильник в Мокрой Балке у города Кисловодска // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975. Т.III.
20. Рунич А.П. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. 1977. №1.
21. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
22. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
23. Айбабин А.И. Келегейское погребение военного вождя // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991. Вып.2.
24. Колачевич Ј. Аварски каганат. Београд, 1977.
25. Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии. Волгоград, 1993.
26. Флёров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1984.

V.S.FLEOROV
DESTROYED SKELETONS IN THE CEMETERY OF KLIN-YAR III
IN THE NORTHERN CAUCASUS
Summary

A burial in side chamber N 29/1085 of Klin-Yar III cemetery in the Northern Caucasus, where the rite of neutralizing, making harmless, buried people by destroying a skeleton, is examined in this article. This rite is present in 16 out of 25 unearthed side chambers of the 5th - the beginning of the 8th centuries. It was displayed in different forms: from taking off the bones of feet up to the complete destroying skeletons.

According to the described complex of things from side chamber N 29 it is dated back to the end of the 7th - the beginning of the 8th centuries. The male skeleton is destroyed completely and all the bones are moved and divided into two piles. The female skeleton is practically untouched, only some bones of chest and arms are moved. A lot of things from male's set were also destroyed on purpose: a jug is broken and turned upside down, a copper cauldron is damaged, a bow and quiver are broken, horse harness is torn. The things of a woman's set are left in their own places. The following sequence is traced: if the skeleton of a buried person is destroyed, then his things are also destroyed.

Close analogies to side chamber N 29 in Klin-Yar III cemetery are traced in Mayatski cemetery of the epoch of Khazar caganate. We may come to the conclusion that the people buried in these graves belonged to the same social group of warriors-riders, buried together with their horses, dogs, bows, horse harness.